

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Черказянова И. В. Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков) / И. В. Черказянова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 530—548. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-530-548.

Cherkazyanova, I. V. (2026). State Control and Reform of School Education among German Colonists in Russian Empire (Mid-Eighteenth Century to Early Twentieth Century). *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 530-548. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-530-548. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков)

Черказянова Ирина Васильевна

orcid.org/0000-0002-1569-002X

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа
cherk@inbox.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
и Санкт-Петербургского научного фонда
№ 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

State Control and Reform of School Education among German Colonists in Russian Empire (Mid-Eighteenth Century to Early Twentieth Century)

Irina V. Cherkazyanova

orcid.org/0000-0002-1569-002X

Doctor of History, Chief Researcher,
Research and Educational Center
for Historical Studies and Analysis
cherk@inbox.ru

Pushkin Leningrad State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation
and by St. Petersburg Science
Foundation № 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассмотрены документы, регулировавшие школьное образование российских немцев, главным образом, немецких колонистов. Хронологические рамки охватывают период с первых лет поселения колонистов до начала 1900-х годов. Анализ источников позволил прийти к выводу о том, что вплоть до 1840-х годов государство лишь контролировало разработку общего законодательства, которое упорядочивало внутреннее устройство колоний и ее школ, при этом опираясь в большей степени на сложившуюся практику в поселениях. Отмечается нарастание степени вмешательства государства в школьные вопросы после проведения административной реформы иностранных колоний в 1871 году. Обращается внимание на то, что реформирование школ было логическим продолжением политики правительства по унификации всех сторон жизни нерусского населения. Выявлена позиция Евангелическо-лютеранской церкви, последовательно отстаивавшей независимость немецких школ от государственного влияния. Доказано, что наибольшую остроту взаимоотношения церкви и государства достигли в конце XIX века в связи с передачей протестантских школ в ведение Министерства народного просвещения и политикой русификации. Прослежены попытки правительства провести некоторые меры по либерализации образования российских немцев в период первой революции. Отмечено, что наметившийся диалог между правительством, церковью и немецкой общественностью был прерван Первой мировой войной.

Ключевые слова:

русские немцы; немецкие колонисты; немецкая школа; Евангелическо-лютеранская церковь; национальная политика; реформирование образования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines documents regulating school education for Germans in Russia, primarily focusing on German colonists. The chronological scope spans from the early years of settlement until the beginning of the twentieth century. Analysis of sources reveals that up until the 1840s, the state mainly oversaw the development of general legislation governing internal arrangements within colonies and their schools, relying heavily on established practices in these settlements. It is noted that there was an increase in state intervention into educational matters following administrative reforms implemented in foreign colonies in 1871. Attention is drawn to how reform efforts were a logical continuation of government policies aimed at standardizing various aspects of non-Russian populations' lives. The position of the Evangelical Lutheran Church, which consistently defended the autonomy of German schools against state influence, has been identified. Evidence shows that tensions between church and state reached their peak towards the end of the nineteenth century due to the transfer of Protestant schools under the jurisdiction of the Ministry of Public Education and Russification policies. Efforts made by the government during the First Revolutionary Period to introduce certain liberalization measures regarding German education are traced. However, it is observed that the emerging dialogue between the government, the church, and the German community was disrupted by World War I.

Key words:

Russian Germans; German settlers; German schools; Evangelical Lutheran Church; national policy; educational reform.

УДК 94(47).066/.083+373(=112.2)“175/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-530-548

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Государственный контроль и реформирование школьного образования немецких колонистов Российской империи (вторая половина XVIII — начало XX веков)

© Черказьянова И. В., 2026

1. Введение = Introduction

Изучаемый вопрос находится на стыке двух проблем: собственно истории школьного образования немецких колонистов в России и национальной политики, основным звеном которой была усилившаяся в конце XIX века русификация нерусских окраин, затрагивавшая в первую очередь сферу образования, в данном контексте — школы национальных меньшинств.

Школа немецких колонистов, среди которых преобладали протестанты (лютеране, меннониты), была важнейшим институтом в формировании менталитета этноса, в структуре жизненных ценностей традиционно занимала ведущее место вслед за церковью. Традицию обязательного школьного обучения детей обоего пола переселенцы принесли с собой из мест выхода — германских княжеств. Из-за отсутствия иных форм образования у переселенцев, кроме школы, вплоть до второй половины XIX века, образовательная политика государства была нацелена на контроль и реформирование именно института школы в немецких поселениях. Длительное время образование колонистов находилось в руках священнослужителей, поскольку школа рассматривалась как этап подготовки детей к вступлению в церковную общину через обряд конфирмации, но в материальном плане (содержание школы и учителя) оно зависело от общины. Учительское сообщество в этот период не имело достаточно сил, чтобы выступать серьезным оппонентом церкви по вопросу школы, поскольку учитель находился в зависимости от церкви и мирского общества, в то время понятия «церковная» и «мирская» община по сути не разделялись. Первые учительские союзы и общества в поддержку образования стали активно формироваться в начале XX века. Так, в 1906 году появилось Нарвское общество содействия немецкому образованию.

С развитием государственных институтов и ускорением модернизации российского общества усиливалась роль правительства в жизни колони-

стов и их школ. Столкновение интересов государства и церкви в области духовной жизни немцев было неизбежным. С одной стороны, это связано со стремлением правительства унифицировать все процессы и подвластные структуры национальных меньшинств. С другой стороны, церковь выступала за сохранение религиозных традиций и позиции самой церкви в жизни общин.

История образования немцев России достаточно подробно изучена в комплексных исследованиях Н. Э. Вашкау о школах Поволжья [Вашкау, 1998а, 1998б], В. Зюсса (W. Süß) о системе образования немцев в России [Зюсс, 2007; Süß, 1999, 2004], И. В. Черказьяновой о школах Сибири и общих проблемах российской немецкой школы [Черказьянова, 2004]. Отдельные вопросы отражены во многих публикациях других авторов. В частности, проблему русификации в Прибалтике исследовали В. Г. Чеботарева [Чеботарева, 2004], Н. С. Андреева [Андреева, 2008]. Теме русификации российских немцев посвящены работы германского исследователя Д. Нойтатца [Neutatz, 1996].

Из публикаций по национальной проблематике в дореволюционной России необходимо выделить труды В. С. Дякина [Дякин, 1998], А. И. Миллера [Миллер, 2002, 2006], А. Каппелера [2000], Р. Суни [Суни, 2001]. Теоретические выводы этих авторов важны для понимания общей политической ситуации, которая господствовала в области образования. Так, Р. Суни писал: «Государственная политика, направленная на рационализацию языка, проводимая одновременно с организацией системы народного образования, обращается в национальную политику, когда государство встречает укрепившиеся социальные структуры (в данном случае — неправославные иерархии духовенства), заинтересованные в поддержании альтернативного мировоззрения» [Суни, 2001, с. 65]. А. Миллер исследует «многообразие явлений и процессов, в отношении которых используется термин “русификация”», и предлагает говорить не о русификации, а о множественных русификациях с использованием ситуационного подхода [Миллер, 2002, с. 135, 146].

В нашей статье главное внимание сосредоточено на анализе правительственных документов, определявших надзор и реформирование немецких школы, и социального взаимодействия заинтересованных сторон в области образования. Кроме того, одной из основных тем является состояние колониистских школ Петербургской губернии. Протестантское население Петербурга, по данным статистики за 1869—1910 годы, традиционно показывало высокий процент грамотности в возрастных группах старше 6—7 лет: от 91,4 % (1890) до 96,7 % (1897) [Busch, 1995, S. 42]. В этом была значительная часть заслуг городских немецких школ. Оценить вклад

сельских школ в общий подъем культуры немецкого населения намного сложнее, но их роль в жизни колонистов и развитии их производственных успехов во многом зависели от уровня грамотности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для исследования используются законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ), постановления Министерства государственных имуществ (МГИ) и Министерства народного просвещения (МНП), циркуляры попечителя Петербургского учебного округа. Источником также служат официальные издания МНП (обзоры деятельности министерства, сборники документов и материалов о начальной школе и др.). Привлекаются материалы Российского государственного исторического архива (РГИА).

В работе используется институциональный подход, системный и функциональный методы. В различные исторические периоды происходило усиление одной из сторон системы «государство — церковь — община», в данном случае рассматривается усиление государственных позиций, что приводило к изменению традиционного положения церкви в деле школьного образования, давало шанс общине выйти из-под тотального влияния церкви, что было закономерным явлением на фоне секуляризации российского общества во второй половине XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль государства и церкви в регулировании школьной жизни российских немцев во второй половине XVIII — первой трети XIX века

При поселении немцев в России в XVIII веке вопрос обучения детей развивался в рамках диалога церкви и общины. Государство минимально вмешивалось в этот процесс: Екатерина II в Манифесте от 22 июля 1763 года «О приглашении иностранцев в Россию» провозгласила свободу вероисповедания и право колонистам иметь свои церкви, содержать пасторов [ПСЗ-1, т. 16, № 11 880, с. 313—314]. Специально вопрос о школах не стоял, поскольку это было делом священнослужителей и колонистов.

Реформируя образование в стране, Екатерина II стремилась создать светскую школу, используя опыт Австрии и Пруссии, поэтому организация образования титульной нации была отдана в руки государства. Однако речь шла лишь о городских учебных заведениях, в селениях их не было. Так, первые школы у государственных крестьян появились в 1830 году. Немецкая школа в России, наоборот, оставалась в ведении лютеранской церкви, и обучение детей начиналось вскоре после поселения колонистов. В. Зюсс

называет колониистскую школу первых десятилетий «институтом церкви», которая имела прямые аналогии со школами германских княжеств [Зюсс, 2007, с. 204].

Следующим документом, который частично касался образования колонистов северо-запада, была «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санктпетербургских колониях» (16 июня 1803 года) [ПСЗ-1, т. 27, № 20 798, с. 659—670]. В ней находим уже прямые указания на необходимость содержать не только пасторов, но и шультмейстеров (учителей). Местом пребывания пастора «северных колоний» была назначена Новосаратовка. Пастору предписывалось бывать в колониях раз или два раза в год для наставления взрослых и преподавания детям основ христианского учения.

К тому времени состояние немецких школ в материнских колониях Петербургской губернии и дочерних колониях Новгородской губернии сильно разнилось. В старейших подстоличных поселениях уже в 1820-е годы применялся прогрессивный для того времени метод взаимного обучения, бытовавший в Петербурге, за его распространение на все колонии ратовали чиновники. Образцом в его применении была Среднерогатская школа. В 1820—1840-е годы в колониях работали хорошо образованные учителя — выходцы из Германии и Прибалтики. Среди них Е. В. Бинзель (Новосаратовка), А. Ф. Родендорф (Средняя Рогатка), К. Бриземейстер (Стрельнинская колония). Родендорф одновременно обучал грамоте питомцев из Петербургского Воспитательного дома в Среднерогатской, Ижорской и Фриденвальской колониях. Он стал родоначальником поколения военных, ученых в России. Колонистским детям преподавали Священную историю, чтение по-русски и по-немецки, правописание на обоих языках, чистописание, арифметику, пение, естественную историю.

Иная картина предстает в новгородских колониях. В 1857 году в Новониколаевской колонии близ Новгорода (основана в 1835 году) насчитывалось 340 детей, была школа с одним учителем. В Александровской колонии (существовала с 1836 года) учителя не было. П. Кёппен писал по этому поводу, что новгородские колонисты почти не поднялись в хозяйственном отношении, враждебно смотрят на сельскохозяйственные реформы. Они свою миссию могли бы лучше выполнить, если бы их школы отвечали запросам времени. Колонистам часто бросают упрек, писал Кёппен, что они при высоком материальном благосостоянии не стремятся к более высокому образованию [Körpen, 1867, с. 111—112].

Ревизия двенадцати петербургских колоний в 1859 году показала, что в «приморских» поселениях, основанных на побережье Финского залива, из-за малого числа жителей не было ни церкви, ни школ. Однако дети из этих поселков посещали школу в Кронштадтской колонии. Должность пи-

саря в большей части колоний исполняли учителя [РГИА, ф. 383, оп. 22, д. 32 939, л. 13, 20, 23].

Немецкие лютеранские школы Петербурга, основанные в 1736 году при церквях св. Анны (Анненшуле) и св. Екатерины (Катариненшуле) по инициативе церковных приходов, также долгое время находились за пределами государственного контроля. Сложно выстраивались отношения с Катариненшуле. Когда в 1783 году школа была подчинена светскими властями ведению Главной управы немецких училищ, состоявшей при Училище св. Петра (Петришуле), прихожане в знак протеста потребовали закрыть школу в 1789 году. 5 ноября 1804 года был утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» [Сборник постановлений..., 1864, с. 301—330], в соответствии с которым 26 декабря 1804 года Анненшуле и Катариненшуле были подчинены по учебной части дирекции училищ Санкт-Петербургского учебного округа. Руководство школ обязано было ежегодно подавать отчеты о состоянии дел. В хозяйственном отношении училища оставались в ведении церковного конвента [Сборник распоряжений ..., 1866, стб. 24]. Непростые взаимоотношения церкви и государства по вопросу школы св. Екатерины продолжались вплоть до 1820-х годов. 10 мая 1824 года Катариненшуле вновь открылась как школа для мальчиков из бедных семей на тех же условиях, на которых действовали Анненшуле и Петришуле, с подчинением учебному ведомству Санкт-Петербургского учебного округа [Сборник распоряжений ..., 1866, стб. 514—515]. Со временем статус школ менялся. К 1865 году Петришуле, Анненшуле и реформатское училище действовали уже в ранге гимназий. Школы при шведской лютеранской церкви для девочек и отдельно для мальчиков числились в разряде уездных училищ [Памятная книжка ..., 1865, с. 515].

В императорских резиденциях и пригородах также учреждались школы при лютеранских церквях: в Дудергофе (1839), Царском Селе (1843), Петергофе (1850), Павловске (1852). В 1865 году все они считались элементарными (приходскими), их посещали дети различных сословий, включая сельское население. Самым маленьким было павловское училище (22 ребенка), в 1877 году в нем обучалось уже 40 детей.

Возникновение лютеранской школы в Павловске связано с постройкой церкви св. Доротеи в 1794 году. Она предназначалась для детей обслуживающего персонала царской резиденции. Императрица Мария Федоровна постоянно вносила средства для поддержания церкви и школы, в частности, в 1821 году на перестройку церкви, позже их поддерживал Вел. кн. Константин Павлович. В 1851 году училище вновь открылось на основании устава от 17 декабря 1852 года, который менял статус учебного заведения: оно передавалось в ведение МНП.

Для организации школ колонистов в первой половине XIX века важнейшим документом стали «Правила для школьного и катехизического учения в колониях саратовских иностранных поселенцев» от 5 марта 1840 года [ПСЗ-2, т. 15, № 13 233, с. 108—111], которые распространили на немецкие колонии других губерний. Основные положения были подготовлены Московской лютеранской консисторией с учетом проектов пасторов поволжских колоний. По закону церкви отводилась руководящая роль в сфере образования, закреплялась традиция обязательного посещения школы детьми обоих полов. Мы видим, что государство на этом этапе законодательно закрепило сложившуюся школьную практику колоний.

Н. Э. Вашкау обосновала периодизацию немецких школ Поволжья с момента появления первых колоний, выделила первый период с 1764 по 1840 годы, когда бытующая школьная традиция была утверждена правилами 1840 года [Вашкау, 1998-а, с. 15—16]. А. Каппелер считает, что усиление государственных позиций в жизни протестантов началось уже в 1832 году, когда был принят устав Евангелическо-лютеранской церкви [Каппелер, 2000, с. 110], тем самым статус церкви и сфера ее влияния многократно выросли.

В 1857 году все законодательные акты, определявшие деятельность колонистов, были включены в «Устав о колониях иностранцев в Российской империи». [СЗРИ, т. 12, с. 3—93]. Однако о школах сказано не больше, чем говорилось в инструкции 1803 года.

3.2. Проблемы образования российских немцев во второй половине XIX века

Преобразования Александра II изменили административное устройство немецких колоний в ходе колонистской реформы 1871 года и существенно изменили школьную практику в последней трети XIX века. Новые модели управления и формы обучения детей касались всех колонистов, которыми заведовало министерство государственных имуществ.

В школьной системе империи к тому времени царили ведомственная разобщенность, многообразие типов училищ и форм обучения, что затрудняло процесс управления, внедрение общих принципов обучения и государственного языка в учебную программу. Школы состояли в ведении пяти министерств, при этом наименьшая часть (2 %) подчинялась МНП [Фармаковский, 1900, с. 5—6]. Поэтому главной целью реформы была унификация типов учебных заведений.

Учебные заведения колонистов находились под контролем двух министерств: в административно-хозяйственном отношении ими заведовало МГИ, а обучение и воспитание было в руках духовенства, подчинявшегося консисториям в структуре МВД. Министерство госимуществ оберегало

свою сферу влияния, поэтому разрешало МНП лишь осматривать подчиненные ему школы и сообщать свои замечания.

Кроме межведомственных разногласий, по поводу реформ существовали собственные точки зрения у духовенства разных конфессий. Поэтому государству предстояла сложная законодательная и практическая работа в условиях оппозиции священнослужителей различных исповеданий.

В 1860-е годы шла поэтапная разработка реформы школьной системы различных ведомств. В 1862 году правительство пошло на уступки православной церкви — Св. Синод сохранял за собой право учреждать собственные школы [Исторический обзор ..., 1902, с. 445]. В 1865—1866 годах был разработан законопроект о передаче школ министерства госимуществ земским учреждениям. Наличие земств в Петербургской губернии означало распространение закона на школы государственных крестьян губернии, этот закон не затрагивал немецких колонистов, он готовил почву для реформирования их школ [Журнал Комиссии ..., 1866]. В течение 1867—1874 годов в подчинение МНП были переведены школы государственных крестьян, крестьян удельного ведомства, школы «иностранцев» (башкирские, татарские, киргизские) и болгарских поселенцев.

К началу 1860-х годов назрела необходимость в реформировании образования колонистов. Вопрос о состоянии школ Поволжья поднимала Генеральная консистория еще в 1861 году. Тревогу били и чиновники МГИ: проверка поволжских школ в 1863 году указывала на упадок в постановке преподавания за последние 20 лет.

Созданная в 1864 году комиссия из представителей МНП, МВД и МГИ рассматривала варианты реформирования и возможность применения к колонистским школам Положения о начальных училищах 1864 года. В ходе обсуждения министерства договорились распространить этот документ на все школы без различия вероисповедания. Окончательному преобразованию учебных заведений немецких поселенцев предшествовала административная реформа колоний в 1871 году.

4 июня 1871 года Александр II утвердил «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)» [ПСЗ-2, т. 46, № 49 705, с. 813—819]. В административном и общественном отношении колонисты были подчинены губернским учреждениям, в ведение которых уже перешли другие категории крестьян. Немецкие поселенцы, на которых теперь распространялись общие правила, лишались прежних привилегий; они стали называться *поселянами-собственниками*. В контексте нашей темы важно отметить, что делопроизводство переводилось на русский язык, но о школах речь вообще не шла. В течение года колонии Поволжья и юга России

перешли в новое управление, в январе 1872 года завершился перевод колоний Петербургской губернии в губернское подчинение.

Передача колоний в новое управление не была связана со школьным вопросом. Для его решения потребовались дополнительные усилия специально созданной комиссии представителей трех министерств: МГИ, МНП, МВД, — которая с 1869 года в течение двух лет разрабатывала детали реформы колонистских школ. Важную роль в подготовке материалов для комиссии сыграл начальник отдела колоний МГИ, делопроизводитель комиссии А. А. Клаус, автор книги «Наши колонии» (1869). К сожалению, глубоко проанализированные Клаусом особенности немецких школ не были приняты во внимание комиссией.

Наиболее острым вопросом в школьной реформе колонистов был переход обучения на светские начала, поскольку сохранение исключительных позиций церкви в образовании становилось тормозом для дальнейшего развития школьного дела. Предстояло решить вопрос, каким образом можно преобразовать церковные школы в сельские (народные) школы, определить порядок заведывания учебной и хозяйственной частью школ, выяснить роль духовенства в решении всех сторон школьной жизни.

Проект комиссии сохранял часть прежних правил и вносил болезненные новшества. Церковь продолжала выполнять роль духовного наставника поселян и отвечала за религиозно-нравственное воспитание молодежи, с духовенством согласовывали учебные программы и содержание учебной литературы. Ранее пасторы разрабатывали учебные программы, недельные планы уроков, теперь они лишались этого преимущества. В школах сохранялись прежние предметы и методы преподавания, то есть школьная программа пока не подвергалась пересмотру, сохранялась обязательность посещения школ детьми. Последнее положение было традиционным для протестантских школ Германии и было привнесено колонистами на российскую почву, что было закреплено еще Правилами 1840 года. Предполагалось открыть семинарии для подготовки учителей [РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 426, л. 24—33]. Серьезным ограничением стала отмена права духовенства и колонистов самим назначать учителя — с 1893 года это мог делать только инспектор народных училищ. Учитель был важным лицом в духовной иерархии поселян, поэтому назначение в колонии учителей, не связанных с традициями колонистов, встречалось местным населением враждебно.

Проект активно оспаривался Генеральной лютеранской консисторией, что в значительной мере затягивало работу комиссии. Передача учебных заведений колонистов в ведение МНП началось в 1881 году, лютеранские школы перешли в новое подчинение только 22 ноября 1890 года согласно закону «О подчинении всех протестантских школ в округах Санкт-

Петербургской и Московской лютеранских консисторий Министерству народного просвещения» [ПСЗ-3, т. 10, № 7211, с. 742—743].

После передачи нерусских школ в ведение МНП на учете (на 1 января 1895 года) стояло 5055 иноверческих учебных заведений, в том числе в Петербургском учебном округе 84 учебных заведения [Обзор деятельности ..., 1901, ведомость 34]. По новому закону школы петербургских колонистов поступили в подчинение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и инспектора народных училищ. Упорядочение типов учебных заведений в конце XIX века затронуло и Стрельнинскую школу, состоявшую при Стрельнинском дворцовом правлении и содержавшуюся на средства августейших владельцев Стрельны (следует отличать от другой Стрельнинской школы, расположенной в немецкой колонии вблизи великокняжеской резиденции). В 1894 году распоряжением попечителя учебного округа школа перешла в ведение дирекции народных училищ Петербургской губернии [Циркуляр ..., 1894, № 3, с. 95].

В 1882 году в Петербургской губернии, по неполным данным, значились школы в лютеранских колониях: Новосаратовской (2 школы), Ижорской, Стрельнинской Петербургского уезда, в Шлиссельбургском уезде школы работали в Овцыно и Янино. Овцынская школа занимала одноэтажное здание с одной классной комнатой. Занятия, которые посещали от 60 до 70 детей, шли 5 часов. В Янинской школе занимались по 6 часов, школу посещали до 32 детей [О санитарном состоянии ..., 1882, с. 5—6, 61, 200—201]. В 1905 году только в пределах Новосаратовского церковного прихода действовали немецкие школы в колониях: Гражданка, Новопарголово, Каменка, Средняя Рогатка, Новосаратовка, Новоалександровка, школа в Веселом поселке, — все они уже были в подчинении МНП.

Передача немецких школ в МНП прошла формально, без определения их статуса, поскольку характер заведений, источники финансирования не соответствовали уже существовавшим типам училищ. Эта неопределенность порождала непонимание ситуации как в учебных округах, так и министерстве.

3.3. Попытки реформирования учебного процесса немецких школ в конце XIX — начале XX веков

В конце XIX века правительство предприняло новую попытку разработать правила для немецких колонистских школ. До середины XIX века целенаправленная ассимиляторская деятельность государства была редким явлением, но начиная с 1895 года с ростом государственного национализма вопрос защиты нерусскими народами своих интересов обострился, эпицентр проблемы лежал в ситуации вокруг школ. Безусловно, во второй половине XIX века внешнеполитический фактор оказывал влияние на национальную

политику в отношении таких народов, как поляки, греки, армяне, крымские татары, что было реакцией на польское восстание в 1863—1864 годах и результаты Крымской войны. Усиление внимания к внутренним проблемам немцев было связано с объединением Германии в 1871 году.

В конце XIX века остроту ситуации вокруг протестантских школ определяли два основных внутренних фактора. С одной стороны, уровень образования и грамотности среди западных меньшинств был намного выше, чем у православного населения, что было доказано в ходе первой общероссийской переписи населения в 1897 году. Хотя русские городские училища и высшее образование были значительно усовершенствованы в XIX веке, но им достойную конкуренцию оказывали, например, средние учебные заведения немцев Петербурга, Москвы, Прибалтики. Сельские школы колонистов также стояли на более высокой ступени развития по сравнению со школами православных, имели широкую программу обучения. Эти различия вызывали закономерное сопротивление правительственной политике со стороны элит и общества. С другой стороны, сопротивление русификаторской политике связано со стремлением сохранить родной язык, важнейший индикатор идентичности. Масштаб проблемы увеличивается, если принять во внимание количество протестантских школ империи в конце XIX века: из 31 594 начальных школ 2580 были протестантскими (8 %) [Статистические сведения ..., 1898, с. 231].

5 февраля 1895 года Комитету министров был представлен проект МНП о временных правилах по устройству начальных школ поселенцев-собственников. Новым в документе было предложение о внедрении двух типов школ: народных училищ и школ грамоты с различными сроками обучения [Об устройстве ..., 1985, с. 5—10]. Нежизнеспособность законопроекта была очевидна, поэтому его отправили на доработку, поскольку в документе не были четко прописаны такие вопросы, как продолжительность учебы детей, источники содержания учебных заведений. В документе не указывалось, кто будет обеспечивать школы учителями со знанием русского языка. Однако МНП не стало дорабатывать проект и временно оставило все в прежнем статусе. Вскоре правительство приравнило сельские школы колонистов к православным приходским, действовавшим по Уставу от 8 декабря 1828 года. Это неизбежно вело к недоразумениям и ошибочным действиям.

Активную роль в отстаивании консервативной точки зрения при выборе статуса немецких школ сыграл попечитель Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Капустин, доктор международного права, попечитель Дерптского, а затем столичного учебных округов. Капустин был активным участником обсуждения проекта о школах колонистов, поэтому МНП пре-

доставило ему в 1892 году исключительное право самому выбирать подходящие правила для школ, поскольку общего правила еще не существовало.

5 июня 1892 года Капустин выступил с ходатайством об обязательном преподавании лютеранского вероучения на русском языке во всех средних учебных заведениях округа, поскольку был убежден, что преподавание закона Божьего на немецком языке было «вредным» с точки зрения педагогики и преподавания религии [РГИА, ф. 821, п. 5, д. 446, ч. 2, л. 132—133]. Его идея нашла отклик в управленческой среде, в 1893 году она была реализована, например, в католических учебных заведениях Виленского учебного округа. Преподавание закона Божьего на родном языке было возвращено в школы лишь указом 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости».

2 декабря 1895 года петербургский попечитель выступил с новой инициативой — издал циркуляр о программе и объеме учебного курса в начальных народных училищах, который лег в основу последующей практики [Народные училища ..., 1903, с. 19—22]. Основная идея заключалась в том, чтобы лютеранские школы не обособлялись, поэтому они не могли иметь собственную программу, в них не должны были преподаваться как самостоятельные предметы история, география, естествознание. Капустин был против предоставления немецким школам особого статуса. Предложения попечителя вели к упрощению обучения немцев. Однако именно эта инициатива встретила поддержку в МНП, в силу чего в 1896 году оно и отступило от проекта по выработке новых правил для немецких школ. Министры народного просвещения И. Д. Делянов и сменивший его Н. П. Боголупов выступили с разъяснениями о применении Устава школ 1828 года для всех протестантских школ, переданных в МНП в 1890 году. В Петербургском учебном округе циркуляр затрагивал интересы 84 протестантских школ (в том числе 6 в Новгородской губернии, 2 — в Олонецкой и 76 — в Петербургской) [Статистические сведения ..., 1898, с. 3].

Преобразования внутреннего устройства немецких школ проходили на фоне усилившейся в конце XIX века политики русификации нерусских народов. Однако сопротивление общества и церкви по поводу устранения родного языка из школ в пользу государственного привело к смягчению требований правительства по изучению русского языка. Отступление от жесткого требования было выражено в законе от 24 февраля 1897 года «О введении в школах поселян-собственников (бывших иностранных колонистов) преподавания на русском языке», в котором уже говорилось о постепенности введения преподавания на государственном языке [ПСЗ-3, т. 17, № 13 792, с. 86].

Новую попытку либерализации образования национальных меньшинств предпринял И. И. Толстой (министр с 31 октября 1905 года). Широко задуманные планы о разработке закона о школах для нерусских на-

родов вылились, к сожалению, в отдельные меры, которые не решали насущных проблем образования. Среди уступок иноверцам в Польше был закон от 31 января 1907 года «О допущении преподавания на немецком языке в начальных училищах и в частных учебных заведениях Варшавского учебного округа» [ПСЗ-3, т. 27, № 28 842, с. 51]. Закон от 23 марта 1907 года «О разрешении в школах бывших немецких колонистов преподавания на немецком языке» с обнадеживающим названием распространялся лишь на начальные школы колонистов, которые содержались на местные средства [ПСЗ-3, т. 27, № 29 016, с. 179]. В перечне территорий действия закона не значилась Петербургская губерния, но можно было добиваться распространения закона в случае обращения с ходатайством.

По числу немецких школ Петербургская губерния не могла соперничать с южными и поволжскими губерниями, где количество школ исчислялось сотнями, кроме того, протестантское население в этническом отношении здесь было более пестрым (немцы, латыши, эстонцы, финны, шведы). По итогам однодневной переписи начальных школ империи 18 января 1911 года в губернии было учтено 2026 учащихся с родным немецким языком, в том числе 919 чел. обучалось в сельской местности, главным образом в Петербургском уезде [Однодневная перепись ..., 1913, с. 72]. В уезде было зафиксировано 15 инославных школ, из них двухклассных 8 школ, одноклассных — 7. В первых дети обучались 5—6 лет, в других — 3—4 года [Там же, с. 22]. К 1905 году статус большинства школ в колониях и пригородах изменился. Двухклассными стали лютеранские школы: немецко-русские в Павловске, Царском Селе, Петергофе, одноклассными значились школы финско-немецко-эстонская в Гатчине, немецко-русская в Колпино (посад), немецкая в Колпинской колонии. Однако эти особенности статуса не меняли общих подходов к решению вопроса о языке преподавания.

Принятые законы в начале 1900-х годов были полумерами и не решали проблем немецкой школы, но нельзя не замечать положительных сдвигов во взаимодействии государства, церкви и общества по сравнению с тем, что было в конце XIX века. Противоречивый диалог государства и церкви о судьбе школьного образования российских немцев XIX века был прерван событиями Первой мировой войны.

4. Заключение = Conclusions

Длительное время отношения государства, церкви и общества по вопросу школьного образования немцев развивались без конфликтов — до тех пор, пока дело находилось в руках духовенства. Государство законодательными мерами лишь содействовало большему укреплению церковных позиций. Однако общие процессы модернизации страны пришли в проти-

воречие с предыдущей практикой, сформировалась тенденция к усилению государственных мер. Учительское сообщество на всем протяжении изучаемого периода не выступало полноценным участником процесса, поскольку еще не готово было к самоорганизации. Поэтому главный конфликт проходил по линии правительства и церкви. Реформа немецких школ не была завершена, учебные заведения оставались без четкого статуса. Ошибочной мерой было приравнивание лютеранских сельских школ к православным, действовавшим по Уставу 1828 года. Предлагаемые законопроекты не учитывали особенностей бытования школ колонистов, которые не были приходскими, поскольку в каждом поселении, относящемся к приходу, существовала своя школа, ее содержало мирское общество. В ходе реформы позиции лютеранской церкви были сильно потеснены, ей оставляли нишу духовного надзора за воспитанием школьников. В свою очередь, государство не брало на себя ответственность обеспечить школы учителями со знанием русского языка. Политика русификации в отношении немцев строилась в основном на внедрении русского языка в общественную жизнь и школьную практику и замене учителей русскоязычными кадрами.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Журнал Комиссии* о передаче училищной части Министерства государственных имуществ в ведение земских и общих губернских учреждений. Заседания 28 декабря 1865 г. и 4 января 1866 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1866. — 29 с.
2. *Исторический обзор* деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902 / Сост. С. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : МНП, 1902. — II, 785, [4] с.
3. *Народные училища* по Положению 25 мая 1874 г. : Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений / Сост. Г. Фальборк и В. Чарнолуский. — Санкт-Петербург : Тип.-литогр. Б. М. Вольфа, 1903. — 122 с.
4. *О санитарном состоянии* С.-Петербургской губернии по сведениям земских врачей и учителей народных школ / Сост. д-р Ю. Гюбнер. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Лебедева, 1882. — Выпуск 4. — 235 с.
5. *Обзор деятельности* ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III : (Со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). — Санкт-Петербург : [б. и.], 1901. — 676 с.
6. *Однодневная перепись* начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. — Санкт-Петербург : Тип. «Экономия», 1913. — Выпуск 1. — [2], II, 28, 112 с.
7. *Памятная книжка* Министерства народного просвещения на 1865 г. — Санкт-Петербург : Тип. В. А. Рогальского, 1865. — [2], XIII, 584, 32 с.
8. ПСЗ-1 — *Полное собрание законов* Российской империи. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1830. — Т. 16. — 1830. — 1018, 105 с. ; Т. 27. — 1830. — 1122, [87] с.

9. ПСЗ-2 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1830—1885. — Т. 15. — 1841. — 961 с.

10. ПСЗ-3 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, с 1 марта 1881 по 1913 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1885—1916. — Т. 10. — 1893. — 1092, 890 с.

11. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 383 (Первый департамент МГИ). Оп. 22. Д. 32 939 ; Оп. 29. Д. 1195 ; Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 186. Д. 2324 ; Ф. 740 (Департамент общих дел МНП). Оп. 42. Д. 114 ; Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 5. Д. 426, 446 (ч. 2).

12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад., 1864. — Т. 1. — IV с., 1644, 44 стб., 42 с., 34 стб.

13. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1866. — Т. 1. — 988 стб., 43 с.

14. СЗРИ — Свод законов Российской империи. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1857—1868. — Т. 12 : Устав о колониях иностранцев в Российской Империи. — 1857. — С. 3—93.

15. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год. — Санкт-Петербург : Печатня С. П. Яковлева, 1898. — VI, 303 с.

16. Фармаковский В. Начальная школа Министерства народного просвещения: (По офиц. источникам) / В. Фармаковский. — Санкт-Петербург : Журнал «Русская школа», 1900. — [2], IV, 200 с.

17. Циркуляр по Санкт-Петербургскому (Петроградскому) учебному округу. — 1894. — № 3 ; 1914. — № 9 ; 1915. — № 6 ; 1916. — № 3.

18. Köppen P. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements / P. Köppen. — St.-Petersburg : Kaiser. Akademie der Wissenschaften, 1867. — [2], VI, 150 S.

Литература

1. Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века / Отв. ред. Р. Ш. Ганелин. — Санкт-Петербург : Мирь, 2008. — 312 с. — ISBN 978-5-98846-034-3.

2. Вашкау Н. Э. (1998-а). Духовная культура немцев Поволжья : проблемы школы и образования. 1764—1941 гг. : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Н. Э. Вашкау. — Саратов, 1998. — 38 с.

3. Вашкау Н. Э. (1998-б). Школа в немецких колониях Поволжья. 1764—1917 гг. / Н. Э. Вашкау. — Волгоград : Изд-во ВГУ, 1998. — 208 с. — ISBN 5-85534-154-2.

4. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.) / В. С. Дякин. — Санкт-Петербург : Лисс, 1998. — 1000 с.

5. Зюсс В. Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия — 1917 год) / В. Зюсс. — Санкт-Петербург : Росток, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-94668-050-9.

6. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. : С. Червоная / А. Каппелер. — Москва : Традиция — Прогресс-традиция, 2000. — 344 с. — ISBN 5-89493-009-X.

7. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. — Москва : Новое лит. обозрение, 2006. — 248 с. — ISBN 5-86793-435-7.

8. Миллер А. И. Русификации : классифицировать и понять / А. И. Миллер // *Ab imperio*. — 2002. — № 2. — С. 133—148.
9. Суни Р. Империя как она есть : имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи / Р. Суни // *Ab imperio*. — 2001. — № 1—2. — С. 9—72.
10. Чеботарева В. Г. «Русификация» немецкой школы в Прибалтийских губерниях (XIX век) / В. Г. Чеботарева // *Вопросы истории*. — 2004. — № 12. — С. 41—56.
11. Черказьянова И. В. Школьное образование российских немцев (Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII—XX вв.) / И. В. Черказьянова. — Санкт-Петербург : Общественная акад. наук российских немцев, 2004. — 368 с. — ISBN 5-93227-001-2.
12. Busch M. Deutsche in St. Petersburg : Identität und Integration. 1865—1914 / M. Busch. — Essen : Klartext, 1995. — 288 S. — ISBN 3-88474-249-3.
13. Neutatz D. Zwischen Spracherhalt und Assimilierung. Rußlanddeutsche und Donauschwaben vor 1914 im Vergleich / D. Neutatz // *Deutsche in Russland* / Hrsg. von H. Rothe. — Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1996. — S. 61—85.
14. Süß W. Das Schulwesen der deutschen Minderheit in Russland von der ersten Ansiedlung bis zur Revolution 1917 / W. Süß. — Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2004. — 384 S.
15. Süß W. Zaristische Bildungspolitik — «Rusifizierung» der «fremdstämmigen» Schulen im späten 19. Jahrhundert / W. Süß // *Zeitschrift für internationale erziehungs- und sozialwissenschaftliche Forschung*. — 1999. — № 16. — S. 147—167.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2025,
одобрена после рецензирования 22.11.2025,
подготовлена к публикации 22.01.2026.*

Material resources

- Circular on the St. Petersburg (Petrograd) educational District*, 3, 9, 6, 3. (1894, 1914, 1915, 1916). (In Russ.).
- Collection of orders for the Ministry of Public Education*, I. (1866). St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 988 stb., 43 p. (In Russ.).
- Collection of resolutions on the Ministry of Public Education*, I. (1864). St. Petersburg: Type. Imp. Akad. IV p., 44 stb., 42 p., 34 stb. (In Russ.).
- Commemorative book of the Ministry of National Education for 1865*. (1865). St. Petersburg: V. A. Rogalsky Printing House. [2], XIII, 584, 32 p. (In Russ.).
- Farmakovsky, V. (1900). *Elementary school of the Ministry of Public Education: (According to the official sources)*, 2. Saint Petersburg: Russian School Magazine. IV, 200 p. (In Russ.).
- Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. 1802—1902*, II. (1902). St. Petersburg: MNP. 785, [4] p. (In Russ.).
- Köppen, P. (1867). *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements*. St.-Petersburg: Kaiser. Akademie der Wissenschaften. [2], VI, 150 S. (In Germ.).
- National schools according to the Regulations of May 25, 1874: A systematic set of laws, orders, rules, instructions, programs and reference information*. (1903). Saint Petersburg: B. M. Wolf's Type and Lithograph. 122 p. (In Russ.).
- NWRI — *Code of Laws of the Russian Empire*, 12. (1857). St. Petersburg: [b. i.]. 3—93. (In Russ.).

- On the sanitary condition of the St. Petersburg province according to the information of the zemstvo doctors and teachers of public schools*, 4. (1882). St. Petersburg: Lebedev Publishing House. 235 p. (In Russ.).
- One-day census of primary schools in the empire, conducted on January 18, 1911*, 1. (1913). St. Petersburg: Type. "Economy". [2], II, 28, 112 p. (In Russ.).
- PSZ-1 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting, from 1649 to December 12, 1825*, 16, 27. (1830). St. Petersburg: [b. i.]. 1018, 105 p.; 1122, [87] p. (In Russ.).
- PSZ-2 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The second meeting, from December 12, 1825 to February 28, 1881*, 15. (1841). St. Petersburg: [b. i.]. 961 p. (In Russ.).
- PSZ-3 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third collection, from March 1, 1881 to 1913*, 10. (1893). St. Petersburg: [b. i.]. 1092, 890 p. (In Russ.).
- Review of the activities of the department of the Ministry of Public Education during the reign of Emperor Alexander III: (From March 2, 1881 to October 20, 1894)*. (1901). St. Petersburg: [b. i.]. 676 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 383 (First Department of the Moscow State Institute of History)*. (In Russ.).
- Statistical information on primary education in the Russian Empire in 1896*. (1898). St. Petersburg: Printing house of S. P. Yakovlev. VI, 303 p. (In Russ.).
- The journal of the Commission on the transfer of the school part of the Ministry of State Property to the jurisdiction of zemstvo and general provincial institutions. Meetings on December 28, 1865 and January 4, 1866*. (1866). St. Petersburg: [b. i.]. 29 p. (In Russ.).

References

- Andreeva, N. S., Ganelin, R. S. (ed.). (2008). *The Baltic Germans and Russian government policy in the early twentieth century*. St. Petersburg: Mir. 312 p. ISBN 978-5-98846-034-3. (In Russ.).
- Busch, M. (1995). *Deutsche in St. Petersburg: Identität und Integration. 1865—1914*. Essen: Klartext. 288 S. ISBN 3-88474-249-3.
- Chebotareva, V. G. (2004). "Russification" of the German school in the Baltic provinces (19th century). *Questions of history*, 12: 41—56. (In Russ.).
- Cherkazyanova, I. V. (2004). *School education of Russian Germans (Problems of development and preservation of German schools in Siberia in the XVIII—XX centuries)*. Saint Petersburg: Public Academy of Sciences of Russian Germans. 368 p. ISBN 5-93227-001-2. (In Russ.).
- Dyakin, V. S. (1998). *The national question in the internal policy of Tsarism (XIX — early XX centuries)*. St. Petersburg: Liss. 1000 p. (In Russ.).
- Kappeler, A. (2000). *Russia is a multinational empire. Appearance. History. Disintegration*. Moscow: Tradition — Progress-Tradition. 344 p. ISBN 5-89493-009-X. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2002). Russification: classify and understand. *Ab imperio*, 2: 133—148. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2006). *The Romanov Empire and nationalism: An Essay on the methodology of historical research*. Moscow: New lit. Review. 248 p. ISBN 5-86793-435-7. (In Russ.).
- Neutatz, D. (1996). Zwischen Spracherhalt und Assimilierung. Rußlanddeutsche und Donauschwaben vor 1914 im Vergleich. In: *Deutsche in Russland*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. 61—85.

- Suess, V. (2007). *What and how they taught in German schools in Russia (the beginning of the XVIII century — 1917)*. St. Petersburg: Rostock. 520 p. ISBN 978-5-94668-050-9. (In Russ.).
- Suni, R. (2001). Empire as it is: Imperial Russia, “national” identity and theories of empire. *Ab imperio*, 1—2: 9—72. (In Russ.).
- Süss, W. (1999). Zaristische Bildungspolitik — «Rusifizierung» der «fremdstämmigen» Schulen im späten 19. Jahrhundert. *Zeitschrift für internationale erziehungs- und sozialwissenschaftliche Forschung*, 16: 147—167.
- Süss, W. (2004). *Das Schulwesen der deutschen Minderheit in Russland von der ersten Ansiedlung bis zur Revolution 1917*. Köln; Weimer; Wien: Böhlau Verlag. 384 S.
- Vashkau, N. E. (1998). *A school in the German colonies of the Volga region. 1764—1917*. Volgograd: VSU Publishing House. 208 p. ISBN 5-85534-154-2. (In Russ.).
- Vashkau, N. E. (1998). *The spiritual culture of the Volga Germans: problems of school and education. 1764—1941*. Author’s abstract of Doct. Diss. Saratov. 38 p. (In Russ.).

*The article was submitted 26.06.2025;
approved after reviewing 22.11.2025;
accepted for publication 22.01.2026.*